

04:36

ПРАВИЛА НОЧНОЙ СМЕНЫ

ЗДЕСЬ
КАЖДОЕ
ПРАВИЛО
НАПИСАНО
ЧЬЕЙ-ТО
ЖИЗНЬЮ

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА
ПАНСИОНАТ

ПРАВИЛА НОЧНОЙ СМЕНЫ

1. ТЕЛЕФОН В 01:13
2. ЛИФТ НА ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАЖ
3. ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ
4. КАМЕРЫ НАБЛЮДЕНИЯ
5. СТУК В ПРАЧЕЧНОЙ В 03:07
6. ЗАПИСЬ ПОСЛЕ ЧЕТЫРЬХ УТРА
7. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОБУВИ

И САМОЕ ГЛАВНОЕ —
НИКОГДА НЕ СПРАШИВАЙ
ПРО БОТИНКИ.

214

Екатерина Баскова

04:36

*<https://litres.ru/74096763>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В пансионате «Лесной ключ» есть тринадцать правил для ночной смены. Никто не знает, кто написал первое из них. Но сотрудники точно знают другое: каждое правило появилось после чьей-то ошибки. Когда Аня устраивается на работу, она считает старый список нелепой шуткой. До тех пор, пока в 01:13 не раздаётся телефонный звонок.

«04:36. Правила ночной смены» - мистический роман о тайнах, которые не исчезают даже спустя десятилетия, и о людях, которых невозможно забыть.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Список правил	5
Глава 2. Костик	12
Глава 3. Что Валентина Сергеевна увидела в квартире Костика	20
Глава 4. Дядя Лёня и четвёртый этаж	26
Гла	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Екатерина Баскова

04:36

Глава

Название:04:36

Автор(-ы):Екатерина Баскова

Ссылка:<https://author.today/work/604607>

Глава 1. Список правил

Сейчас, спустя несколько лет, мне иногда кажется, что всё началось гораздо раньше, чем я впервые услышала тот телефонный звонок. Наверное, ещё в тот день, когда я увидела объявление о работе. Хотя тогда казалось, что мне просто повезло. После увольнения с предыдущего места я почти два месяца перебивалась случайными подработками и уже начала всерьёз переживать, что придётся возвращаться в родной город. Поэтому, когда мамина знакомая сказала, что в пансионат «Лесной ключ» требуется ночной администратор, я согласилась практически сразу. Зарплата была хорошая, начальство, по её словам, спокойное, а сама работа обещала быть почти курортом. «Ночью все спят, а ты книжки читай», — помню, как она тогда пошутила. И, если честно, в тот момент меня больше волновало, есть ли там нормальный интернет, чем всё остальное.

Сам пансионат находился в довольно глухом месте. До ближайшего посёлка было километров десять, а вокруг росли сосны, так что, когда подъезжаешь к зданию, создаётся ощущение, будто оно просто случайно выросло посреди леса. Но никакой мрачности я тогда не почувствовала. Наоборот, место показалось уютным. Старое трёхэтажное здание из светлого кирпича, клумбы, скамейки, дорожки из потрескавшейся плитки, а внутри — ковровые дорожки, деревян-

ные перила, большие часы с маятником и десятки фотографий на стенах. Откуда-то постоянно пахло выпечкой и мятой. Даже сейчас, когда я чувствую запах сушёной мяты, мне почему-то сразу вспоминается тот кабинет администратора.

Управляющую звали Валентина Сергеевна. Внешне она совсем не походила на человека, который будет рассказывать страшные истории. Невысокая, спокойная женщина лет шестидесяти с лишним, аккуратно уложенные волосы, негромкий голос, простая серая кофта и какая-то удивительная привычка всё время держать руки сцепленными перед собой. За время экскурсии она ни разу не улыбнулась, но и неприветливой не казалась. Скорее, производила впечатление человека, который уже слишком долго работает на одном месте. Такого человека сложно представить где-нибудь ещё.

Пока мы обходили пансионат, всё было совершенно обычным. Она показывала столовую, процедурные кабинеты, комнату для хранения белья, аптечку, запасные ключи. Станным оказался только один момент. Мы остановились возле старого лифта, и я заметила, что кнопка четвёртого этажа заклеена пластырем. Причём пластырь был явно свежий.

— А наверху что? — спросила я.

— Ничего, — спокойно ответила Валентина Сергеевна.

— В смысле?

— Четвёртый этаж закрыт.

— На ремонт?

Она почему-то помолчала.

— Нет.

— А почему тогда закрыт?

— Потому что там никто не живёт.

Не знаю почему, но этот ответ мне запомнился. Наверное, потому что звучал он немного странно. Не «туда нельзя», не «там ремонт», а именно «там никто не живёт». Но тогда я не придала этому значения. Тем более что через минуту мы уже были в кабинете администратора.

Комната оказалась неожиданно уютной. На подоконнике стояли цветы, возле чайника лежала банка с карамельками, а на стене висели фотографии сотрудников. Я ещё обратила внимание на снимок молодой девушки с огромной причёской, которая держала на руках рыжего кота.

— А это кто?

— Это Нина. Администратором здесь работала. Лет пятнадцать, наверное. Весёлая была. Шумная. И кота своего рыжего вечно на работу таскала. Представляешь, назвала его в честь себя.

Я засмеялась.

— Серьёзно?

— Ага. Все над ней потешались, а она говорила, что Ниночка у нас одна, просто одна в тапочках ходит, а другая хвостом машет.

Валентина Сергеевна провела пальцем по краю фотографии и вдруг вздохнула.

— Кот, кстати, её пережил. Ещё лет пять здесь жил. Все его кормили. Петрович ему даже отдельную миску сварганил.

— А что стало с Ниной Павловной?

— Умерла. Давно уже. В девяносто девятом.

Она помолчала и вдруг тихо рассмеялась.

— Знаешь, что самое смешное? Я ведь до сих пор иногда забываю, про какую Ниночку рассказываю. Про человека или про кота. Старость, наверное.

Я засмеялась, решив, что она шутит, но женщина уже открывала нижний ящик стола. Оттуда появилась прозрачная папка, а внутри лежал всего один лист. Я ожидала увидеть инструкции по пожарной безопасности, но вместо этого прочитала заголовок: «Правила ночной смены. Обязательны к исполнению».

● Если в 01:13 зазвонит телефон на стойке, снимите трубку до третьего гудка. Если услышите плач ребёнка, немедленно положите трубку и больше не разговаривайте.

● Если лифт самостоятельно поднимется на четвёртый этаж, не вызывайте его обратно.

● Если на третьем этаже встретите пожилую женщину в белом халате, обязательно спросите, не холодно ли ей. Если она ответит: «Уже нет», немедленно спускайтесь вниз и не пользуйтесь лестницей.

● Никогда не смотрите на камеры наблюдения дольше одной минуты, если на них никого нет.

● Если в 03:07 кто-то постучит в дверь прачечной, не открывайте. Даже если будут кричать.

● Если после четырёх утра в журнале регистрации появится новая запись, не читайте имя постояльца.

● Если в журнале появится номер 214, закройте его и дождитесь окончания смены.

● Если начались проблемы со сном, обязательно сообщите главному администратору.

● Если почувствуете запах сырой ткани или мокрого белья, не ищите источник.

● Если лифт остановится ниже первого этажа, закройте двери сразу. Не заглядывайте внутрь.

● Если увидите мокрые следы босых ног, не пытайтесь определить, кому они принадлежат. Если следы детские, немедленно разбудите старшего администратора.

● Если возле стойки или входной двери появится чужая обувь, не трогайте её до конца смены.

● Если увидите человека без обуви, не разговаривайте с ним. И самое главное — никогда не спрашивайте, где его ботинки.

Помню, что я ещё пошутила:

— А что будет, если спрошу?

Валентина Сергеевна впервые за всё время посмотрела мне прямо в глаза.

— Не знаю.

— В смысле?

— Когда я пришла сюда в восемьдесят девятом, этот лист уже лежал в столе. Только тогда он был совсем коротким.

— А сейчас?

Она пожала плечами.

— Сейчас уже и не вспомню, сколько раз его переписывали. Некоторые правила появились ещё до меня. Некоторые записывали при мне. А несколько пунктов я вообще сама добавляла.

— То есть это не просто инструкция?

— Нет, Анечка. Это, скорее, чужие ошибки. Просто записанные на бумаге.

Она невесело улыбнулась.

— Со временем список становился больше, а людей, которые могли объяснить, откуда взялось то или иное правило, становилось всё меньше.

— И вы всё это соблюдаете?

— Конечно.

— Даже про ботинки?

— Особенно про ботинки.

Наверное, именно тогда мне впервые стало немного не по себе. Не из-за самих правил, а из-за того, как она это сказала. В её голосе не было ни намёка на шутку. Вообще ничего. Так говорят люди, которые давно перестали что-то объяснять.

Уже перед уходом Валентина Сергеевна вдруг остановилась в дверях, словно вспомнила о чём-то важном.

— И ещё, Анечка. Если ночью услышишь детский смех,

не ходи искать, откуда он доносится.

Я тогда улыбнулась.

— А почему этого нет в списке?

Женщина почему-то долго молчала, а потом тихо сказала:

— Раньше было.

— А сейчас?

Она отвела взгляд.

— Сейчас уже поздно.

Честно говоря, в тот момент я решила, что у неё просто своеобразное чувство юмора. Первые несколько смен прошли спокойно, и вскоре я вообще перестала вспоминать про тот листок. Ночные дежурства оказались скучными. После часа ночи пансионат словно вымирал. Даже пенсионеры, страдавшие бессонницей, обычно к этому времени уже расходились по номерам. Я читала книги, смотрела фильмы, иногда болтала по телефону с подругой и всё больше убеждалась, что список правил — это какая-то старая местная шутка.

Поэтому на восьмую смену я даже не сразу поняла, почему у меня неприятно кольнуло внутри, когда я случайно подняла голову и увидела, что часы на стене показывают 01:12.

А ещё через минуту зазвонил телефон.

Глава 2. Костик

Я почему-то до сих пор помню тот звонок. Наверное, потому, что в пустом ночном пансионате любой звук воспринимается совсем иначе. После часа ночи жизнь здесь замирала окончательно. Часы на стене тихо отсчитывали секунды, где-то в буфете гудел холодильник, а я лениво листала что-то в телефоне и краем глаза смотрела фильм. Когда аппарат вдруг зазвонил, я машинально подняла голову. Внутренний номер на экране почему-то не отображался, хотя обычно, если звонили из комнат, всегда было видно, откуда именно поступает вызов. Доли секунды я сидела, глядя на телефон, а потом только усмехнулась. Похоже, истории Валентины Сергеевны всё-таки начали действовать мне на нервы. Поэтому трубку я сняла почти спокойно.

— Администратор, слушаю вас.

Сначала никто не отвечал. Я уже решила, что кто-то ошибся номером или связь прервалась, когда услышала тихий детский голос.

— Здравствуйте.

От неожиданности я даже выпрямилась.

— Здравствуй. А ты кто?

— Костик.

Голос был совсем детский. Лет семь, может, чуть меньше. Причём говорил мальчик спокойно, словно ничего необыч-

ного не происходило.

— Костик, а ты где? Потерялся?

— Нет.

— Тогда позови маму или папу.

— Они спят.

— А ты почему не спишь?

Мальчик немного помолчал.

— Не знаю.

Почему-то именно этот ответ показался мне странным. В голосе ребёнка не было ни страха, ни капризов, ни сонной обиды. Он звучал так, будто действительно не понимал ответа на мой вопрос.

— А в каком ты номере?

— Не помню.

— Фамилию свою помнишь?

— Нет.

— А маму как зовут?

— Не помню.

В тот момент я уже подумала, что кто-то неудачно шутит, но детский голос звучал слишком естественно. Более того, в нём не чувствовалось ни малейшего веселья.

— Костик, а сколько тебе лет?

— Семь.

— Хорошо. А где ты сейчас?

И тут он неожиданно спросил:

— А вы новая?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что я даже растерялась.

— В каком смысле?

— Та тётя тоже была новая.

— Какая тётя?

— Которая плакала.

Я окончательно отвлеклась от фильма и села прямо.

— Костик, какая тётя?

— Она сказала, что мне нельзя разговаривать по телефону. А потом ушла.

— Куда ушла?

— Не знаю.

— А ты где?

Мальчик немного помолчал, а потом тихо ответил:

— Не помню. Тут темно. И лифт давно не приезжает.

Я уже собиралась снова расспрашивать его, но в трубке послышался скрип, очень похожий на звук открывающихся дверей. Костик сразу оживился.

— Ой.

— Что случилось?

— Тётя вернулась.

Я даже выдохнула с облегчением.

— Ну вот и хорошо. Передай ей трубку.

Но Костик вдруг замолчал. Прошло несколько секунд.

— Костик?

Он ответил не сразу. Голос его изменился, стал каким-то

растерянным.

— Это не та тётя.

И связь оборвалась.

До самого утра телефон больше не звонил. Спать мне уже совершенно не хотелось. Я так и просидела за стойкой администратора с включённым светом, каждые несколько минут зачем-то поглядывая на часы и прислушиваясь к старому лифту. А когда в семь утра на смену пришла Валентина Сергеевна, я, наверное, впервые увидела её по-настоящему уставшей.

Когда она заступила на смену, я с порога вывалила на неё всё, что произошло ночью, причём говорила так быстро, что пару раз даже сбивалась. Если честно, мне очень хотелось, чтобы она рассмеялась и сказала, что телефонная линия бабахлит или что какой-нибудь местный подросток уже много лет развлекается подобными шутками. Но Валентина Сергеевна молча выслушала меня, повесила пальто, достала из шкафчика банку с заваркой и принялась ставить чайник. У неё вообще была странная привычка сначала делать чай, а уже потом разговаривать о чём-то серьёзном. Причём кружка у неё всегда была одна и та же — белая, с нарисованными ландышами. Помню, что тогда меня это даже немного разозлило. Мне казалось, что человек, услышав такую историю, должен хотя бы сделать удивлённое лицо.

Вместо этого она только спросила, во сколько именно звонил телефон, а когда услышала про 01:13, едва заметно

кивнула и произнесла:

— Значит, опять.

Меня это слово почему-то задело сильнее всего.

— В смысле «опять»?

— В прямом.

— То есть такое уже было?

Валентина Сергеевна долго молчала. Потом встала, подошла к стене с фотографиями и сняла одну из них. Я видела этот снимок раньше, но никогда особо к нему не присматривалась. На фотографии был худощавый мужчина лет сорока с добрыми глазами и смешным свитером с оленями. Он улыбался так, словно в мире вообще не существовало никаких проблем.

— Костик, — сказала Валентина Сергеевна. — Очень хороший человек был. Иногда даже слишком.

Оказалось, что звали его Константин Николаевич, но все, включая саму Валентину Сергеевну, называли его исключительно Кости́ком. По её словам, он проработал в пансионате почти шесть лет и был из тех людей, которые не умеют проходить мимо чужой беды. Подкармливал бездомных собак, собирал деньги на лечение детям, постоянно кому-то помогал. В какой-то момент я даже пошутила, что таких людей сейчас днём с огнём не найдёшь, а Валентина Сергеевна неожиданно ответила:

— Иногда это не достоинство, Анечка. Иногда это просто неумение вовремя остановиться.

История началась примерно так же, как и у меня. Ночная смена, звонок в 01:13, детский плач. Только Костик не положил трубку. Сначала он пытался успокоить ребёнка, потом стал расспрашивать, как его зовут, где мама, почему он один. Валентина Сергеевна тогда ещё работала вместе с ним и рассказывала, что утром Костик выглядел очень странно. Не испуганно, а скорее растерянно. На вопросы отвечал невпопад, а потом признался, что разговор закончился довольно необычно. По его словам, ребёнок внезапно перестал плакать, несколько секунд молчал, а потом очень серьёзно спросил:

— А ты меня уже видишь?

Костик потом говорил, что именно этот вопрос почему-то напугал его больше всего. Потому что он совершенно не понял, что должен был на них ответить.

Поначалу ничего странного не происходило. Через пару дней Костик сам смеялся над своей реакцией и уверял всех, что просто переволновался. Но примерно через месяц тётя Рая, которая работала уборщицей, заметила, что он стал покупать детские соки. Потом появились конфеты. Потом раскраски. Коллеги шутили, что у Костика, наверное, появилась женщина с ребёнком, а он только отмахивался и говорил, что просто вспомнил детство. И всё бы ничего, но однажды тётя Рая пришла на работу раньше обычного.

В комнате отдыха было тихо. Из приоткрытой двери доносился голос Костика. Сначала она подумала, что он разго-

варивает по телефону, но, заглянув внутрь, увидела довольно странную картину. Костик сидел прямо на полу, перед ним лежала раскрытая книга со сказками, а сам он улыбался и водил пальцем по картинкам.

— Нет, это не собачка, солнышко, это лошадка, — терпеливо объяснял он. — Видишь? У неё грива.

Тётя Рая потом рассказывала, что сначала её это даже умилило. Она уже хотела пошутить, но в этот момент услышала детский смех. И вот тогда ей стало по-настоящему не по себе. Потому что смех доносился не из коридора и не с улицы. Он звучал прямо перед Костилом. Словно кто-то невидимый сидел рядом с ним и разглядывал картинки.

Но больше всего её напугало даже не это.

Когда Костик заметил её, он почему-то посмотрел не на тётю Раю, а куда-то ей за спину и очень тихо сказал:

— Нет, солнышко, не надо. Она тебя всё равно не видит.

После этого случая в пансионате перестали шутить над его странностями. А ещё через несколько недель Костик начал просить коллег не шуметь. Он объяснял это тем, что ребёнок плохо спит. Причём говорил об этом совершенно серьёзно. Однажды Валентина Сергеевна не выдержала и спросила, о ком вообще идёт речь. И тогда Костик посмотрел на неё с искренним удивлением.

— В смысле о ком? Вы же сами его видели.

Валентина Сергеевна потом призналась мне, что соврала. Сказала, что, конечно, видела. А сама в тот вечер впервые

за много лет выпила валерьянку. По её словам, в тот момент она поняла, что Костик больше не притворяется.

Последние месяцы перед увольнением он сильно изменился. Осунулся, почти перестал спать и всё время к чему-то прислушивался. Но самым странным было не это. По словам дяди Лёни, охранника, однажды он застал Костика ночью в пустом коридоре. Тот стоял, прижав палец к губам, и шёпотом уговаривал кого-то не плакать.

— Потерпи ещё немного, солнышко. Она обязательно придёт. Все мамы возвращаются.

А потом вдруг обернулся и с такой злостью шикнул на дядю Лёню, что тот даже отшатнулся.

— Ты его испугаешь!

Через неделю Костик уволился. Валентина Сергеевна ещё несколько раз созванивалась с ним, но постепенно связь оборвалась. А спустя три года его нашли мёртвым в собственной квартире. И, наверное, именно после этих слов я ожидала услышать что-нибудь действительно страшное. Но Валентина Сергеевна замолчала и долго крутила в руках свою кружку с ландышами.

— Знаешь, Анечка, — сказала она наконец, — мне до сих пор не страшно вспоминать, как он умер. Мне страшно вспоминать, что я увидела, когда помогала разбирать квартиру.

Глава 3. Что Валентина Сергеевна увидела в квартире Костика

Наверное, именно тогда я впервые увидела, что Валентина Сергеевна чего-то боится. За всё время нашего знакомства она производила впечатление человека, которого уже давно невозможно ничем удивить. Иногда мне даже казалось, что, случись в пансионате пожар или землетрясение, она сначала спокойно допьёт свой чай, а уже потом начнёт разбираться с происходящим. Но, когда речь зашла о квартире Костика, она вдруг замолчала, будто всерьёз решала, стоит ли рассказывать мне об этом вообще. Потом она тяжело вздохнула, сняла очки, хотя надевала их только для чтения, и неожиданно спросила, верю ли я в то, что человек может сойти с ума не в одиночку. Вопрос был настолько странным, что я сначала даже не поняла, что она имеет в виду. А Валентина Сергеевна, словно разговаривая больше сама с собой, тихо сказала, что некоторые вещи становятся опасными не потому, что существуют, а потому, что со временем к ним начинают привыкать.

После исчезновения Костика шуму было много. Приехала полиция, потом следователи. Допрашивали сотрудников, осматривали его квартиру, забрали компьютер, телефон и ещё какие-то бумаги. Валентина Сергеевна тогда говори-

ла, что бедную Нину Николаевну, его старшую сестру, затаскали по кабинетам. В итоге никаких следов насильственной смерти так и не нашли, а через несколько месяцев квартиру разрешили освободить, и разбирать вещи приехала сама Нина Николаевна. Также она попросила Валентину Сергеевну помочь. Родственников у него было немного, детей не было, жены тоже, а сама сестра находилась в таком состоянии, что толком не понимала, за что хвататься. Квартира была самая обычная. Старый район, девятиэтажка, детская площадка во дворе. Валентина Сергеевна рассказывала, что сначала её даже удивило, насколько всё вокруг выглядело обыденно. Но ещё сильнее её удивили соседи. Никто не выглядел потрясённым. Наоборот, несколько человек, увидев сестру Костика, отворачивались или уходили домой. А одна старушка, сидевшая возле подъезда, перекрестилась и тихо пробормотала: «Ну наконец-то». Тогда Валентина Сергеевна решила, что речь идёт о тяжёлой болезни или каких-то семейных проблемах. Но позже поняла, что соседи боялись вовсе не смерти Костика.

В квартире всё выглядело так, будто её хозяин собирался вернуться через пару часов. В раковине стояли две тарелки, на столе лежала раскрытая книга сказок, а телевизор продолжал работать, хотя электричество никто не включал уже несколько дней. На стенах гостиной были рисунки. Десятки рисунков. Домики, солнце, человечки, какие-то деревья, причём все они были нарисованы очень неуверенной

детской рукой. Сестра Костика сначала расплакалась и начала спрашивать Валентину Сергеевну, неужели брат всё-таки скрывал от семьи ребёнка, но та только качала головой. За шесть лет работы они знали друг о друге слишком много, чтобы подобное можно было скрыть. Детей у Костика не было. Никогда.

Но по-настоящему странной оказалась спальня. Там всё выглядело так, словно в квартире действительно жил ребёнок. Возле кровати стояли маленькие резиновые сапожки, на стуле висела курточка с медвежатами, а на тумбочке лежала детская зубная щётка в форме утёнка. Причём всё это не выглядело новым, купленным и забытым в шкафу. Наоборот, создавалось ощущение, будто вещами пользовались совсем недавно. На пледе были складки, словно кто-то недавно сидел на нём, а куртка была небрежно брошена на спинку стула. Валентина Сергеевна потом призналась, что именно это её и напугало. Не сами вещи, а ощущение присутствия. Будто хозяин всего этого просто вышел в другую комнату и вот-вот вернётся.

Они разбирали вещи почти до вечера. За это время туда ещё несколько раз приезжали следователи. Они привезли на подпись какие-то документы, снова фотографировали комнаты и постоянно просили сообщать о любых подозрительных предметах. Сестра Костика то плакала, то замолкала, а Валентина Сергеевна старалась не смотреть на рисунки на стенах. Потом она пошла в ванную, чтобы умыться. И

именно там увидела то, что до сих пор не может вспоминать спокойно. Зеркало было запотевшим. Не покрытым пылью, не грязным, а именно запотевшим, словно кто-то только что принял горячий душ. Хотя сама ванная была сухой и холодной. И прямо посередине зеркала пальцем был нарисован человек. Самый обычный, каких рисуют дети в садике. А рядом неровными буквами было написано одно слово — «мама». Валентина Сергеевна до сих пор клянётся, что надпись появилась не раньше. Она уже заходила в ванную несколько раз за день и ничего подобного там не было. Не говоря ни слова сестре Костика, она стёрла рисунок полотенцем и решила, что на сегодня с неё достаточно.

Они уже собрались уходить, когда сестра неожиданно спросила, куда делись детские сапожки. Валентина Сергеевна сначала не поняла, о чём речь, а потом вспомнила, что сама несколько часов назад видела их возле кровати. Обе женщины вернулись в спальню, но сапожек там не было. Они обыскали всю квартиру, заглянули под диван, проверили шкафы и даже мусорные пакеты. Ничего. Тогда сестра Костика решила, что их случайно забрали следователи. На этом всё и закончилось бы, если бы уже в прихожей Валентина Сергеевна не заметила одну странную вещь. Входная дверь была заперта. Причём не захлопнута, а именно заперта изнутри. Они обе были уверены, что никто её не закрывал. Более того, ключ всё это время лежал на комодe, и к двери вообще никто не подходил. Сестра Костика решила обойти

квартиру еще раз, а Валентина Сергеевна почему-то опустила взгляд вниз. И увидела те самые резиновые сапожки. Они стояли возле двери, аккуратно поставленные носками к выходу, будто их хозяин уже оделся и терпеливо ждал, когда взрослые наконец закончат свои дела.

Когда она рассказывала мне об этом, я машинально спросила, заметила ли их сестра Костика. И Валентина Сергеевна почему-то очень долго молчала. Потом пожала плечами и сказала, что не знает. Потому что сестра продолжала искать сапоги по квартире и ни разу не посмотрела в сторону двери. А сама Валентина Сергеевна в тот момент почему-то не смогла произнести ни слова. Она просто открыла замок, вышла на лестничную площадку и впервые за много лет спустилась вниз пешком, потому что почему-то не смогла заставить себя вызвать лифт. Уже возле машины сестра Костика вдруг спросила, не кажется ли ей странным, что за весь день они так ни разу и не услышали соседских детей. Валентина Сергеевна не сразу поняла вопрос, а потом обернулась на окна квартиры и увидела, что в спальне, за тюлевой занавеской, будто бы кто-то стоял. Не силуэт взрослого человека и не лицо. Просто маленькая фигурка ростом примерно с семилетнего ребёнка. И в тот момент, когда она посмотрела на окно, фигурка медленно подняла руку и помахала ей. Валентина Сергеевна никогда не рассказывала об этом сестре Костика. Но, по её словам, страшнее всего было не это. Страшнее всего было то, что в руке у ребёнка был её носовой платок. Тот

самый, который она потеряла в квартире примерно час назад и решила, что случайно оставила его в ванной.

Глава 4. Дядя Лёня и четвёртый этаж

Наверное, именно после истории Костика я впервые поймала себя на том, что начала запоминать странности. До этого всё происходящее казалось мне набором отдельных случаев, которые, если постараться, можно было как-то объяснить. Но после рассказа Валентины Сергеевны я неожиданно обнаружила, что стала обращать внимание на вещи, которые раньше просто пропускала мимо. Например, я заметила, что за всё время работы ни разу не видела, чтобы кто-нибудь случайно нажимал кнопку четвёртого этажа. Или что лифт всегда поднимался и опускался абсолютно бесшумно, но при этом, когда двери открывались, из кабины иногда тянуло запахом сырой земли. А ещё мне стало казаться странным, что Валентина Сергеевна никогда не пользовалась лифтом. Даже если нужно было подняться с тяжёлыми коробками или бельём, она предпочитала лестницу. Сначала я думала, что это просто привычка, но однажды всё-таки спросила её об этом. Она только усмехнулась и сказала, что с возрастом люди становятся суеверными. Тогда я ещё не знала, что несколько лет назад она вообще перестала заходить в кабину.

Историю про дядю Лёню я услышала примерно через месяц после рассказа о Костике. Настоящее его имя было Лео-

нид Павлович, но в пансионате его иначе никто и не называл. По фотографиям он производил впечатление человека, которого сложно чем-либо напугать. Высокий, широкоплечий, с густыми усами и привычкой улыбаться одним уголком рта. До работы охранником он много лет прослужил в армии, потом работал в колонии, а уже на пенсии устроился в пансионат. Валентина Сергеевна говорила, что из всех сотрудников именно дядя Лёня меньше остальных верил в список правил и постоянно подшучивал над ним. Он даже придумал традицию пугать новичков рассказами про четвёртый этаж, а потом смеяться над их реакцией. По его словам, страшнее пьяных отдыхающих в своей жизни он всё равно ничего не видел.

Всё изменилось в одну из зимних ночей. Тогда лифт, как рассказывал сам дядя Лёня, неожиданно поднялся на четвёртый этаж. Ничего необычного в этом, по словам Валентины Сергеевны, не было. Такое случалось и раньше. Обычно сотрудники просто ждали, пока кабина вернётся сама. Но Леонид Павлович, которому в тот момент было скучно, решил проверить, не заклинило ли механизм. Он нажал кнопку вызова и даже пошутил, что пора бы уже познакомиться с теми, кто там живёт. Лифт спустился почти сразу. Когда двери открылись, внутри никого не было. Только на резиновом коврике темнели мокрые следы босых ног. Дядя Лёня потом смеялся и говорил, что какой-то шутник явно перестарался с розыгрышем. Он даже вытер пол шваброй и никому ничего

не сказал. Во всяком случае, сначала.

Странности начались не сразу. Первое время он вообще не вспоминал об этом случае. Но примерно через неделю стал жаловаться, что плохо спит. Потом начал рассказывать, что по ночам ему мерещится звук лифта. Не шум двигателя, а именно тот короткий звонок, который раздаётся перед открытием дверей. Жена смеялась над ним, пока однажды не проснулась среди ночи и не увидела мужа стоящим посреди спальни. Леонид Павлович не двигался и смотрел в стену. На вопрос, что происходит, он ответил совершенно спокойно:

— Подожди, ещё не наш этаж.

Утром он ничего не помнил.

Потом жена заметила другую странность. Перед тем как войти в любую комнату, дядя Лёня начал останавливаться на несколько секунд. Иногда даже протягивал руку к дверному косяку, словно искал кнопку вызова. Сам он объяснял это возрастом и усталостью. Но однажды внучка спросила его, почему он разговаривает с дверями. Оказалось, что, оставаясь один, он иногда тихо произносил: «Спасибо» или «Дальше без остановок». И всё бы ещё можно было списать на старческие причуды, если бы не случай, после которого жена впервые по-настоящему испугалась.

Она проснулась среди ночи и обнаружила, что мужа нет рядом. Подумав, что он пошёл на кухню, женщина вышла в коридор. Свет нигде не горел. Только в гостиной слышался его голос. Когда она вошла, то увидела Леонида Павловича

стоящим лицом к стене. Он был абсолютно серьёзен и, слегка наклонив голову, будто слушал кого-то.

— Нет, здесь занято, — спокойно говорил он. — На третьем уже занято. Поехали выше.

Жена потом рассказывала, что именно интонация напугала её больше всего. Он говорил не с пустотой. Он разговаривал так, как разговаривают с живым человеком.

Последний год жизни дядя Лёня спал только сидя. Родным он объяснял это больной спиной, но однажды признался сыну, что боится ложиться. Когда тот спросил почему, отец долго молчал, а потом сказал совершенно серьёзно:

— Если усну лёжа, он решит, что я уже доехал.

После этого сын попытался уговорить его обратиться к врачу, но Леонид Павлович только рассердился и больше к этому разговору не возвращался.

А потом произошёл случай, о котором Валентина Сергеевна узнала уже от полиции. Соседи вызвали наряд среди ночи, потому что из квартиры дяди Лёни уже несколько часов доносился странный звук. Один и тот же. Короткий металлический звон, после которого наступала тишина. Потом звук повторялся снова. И снова. Сначала люди думали, что где-то срабатывает неисправный будильник, но к утру поняли, что ошиблись. Когда полицейские вскрыли квартиру, Леонида Павловича нашли мёртвым. Он сидел в кресле, одетый в старый спортивный костюм, словно собирался куда-то ехать — на рыбалку или на дачу. Телевизор был выключен, свет то-

же. Но самое странное увидел молодой участковый, который первым вошёл в комнату. Посреди гостиной было слишком много свободного места. Мебель стояла вдоль стен, словно хозяева десятилетиями оставляли пустым участок размером с лифтовую кабину. И, судя по потёртостям на линолеуме, люди почему-то постоянно подходили к этому месту и останавливались перед ним.

— И это ещё не всё, — тихо сказала Валентина Сергеевна, и я заметила, что она снова начала вертеть в руках кружку с ландышами.

Оказалось, что через несколько дней после похорон к ней пришла вдова Леонида Павловича. В ту злополучную ночь она была в деревне в гостях у родственников. И поэтому корила себя за то, что ничем не могла помочь своему несчастному супругу. Женщина выглядела так, будто не спала несколько суток. Сначала она долго плакала, а потом неожиданно спросила, есть ли в пансионате лифт.

Валентина Сергеевна удивилась и ответила, что, конечно, есть.

Тогда вдова побледнела и рассказала, что за день до смерти муж вдруг попросил её об одной странной вещи. Он заставил её пообещать, что его никогда не похоронят ниже третьего этажа.

А потом добавил:

— И если кто-нибудь позвонит в дверь после моей смерти, сначала посмотри в глазок.

— И что? — спросила я.

Валентина Сергеевна долго молчала.

— Она посмотрела.

— И кого увидела?

— Никого.

Я уже хотела спросить, почему тогда женщина так испугалась, но Валентина Сергеевна сама ответила на мой вопрос.

— Потому что лифт всё равно приехал за кем-то. Хотя за дверями не было никого.

И именно в этот момент старый лифт в конце коридора негромко звякнул, словно кто-то вызвал его с другого этажа.

А потом начал подниматься вверх.

На четвёртый.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.